

О безпокойной книгѣ.

Я—не мальчишка, мнѣ сорокъ лѣтъ, да! Я знаю жизнь какъ морщины на своихъ ладоняхъ и щекахъ, меня нечему и не кому учить. У меня семья и чтобы создать ей благосостояніе я гнулъ спину двадцать лѣтъ да-съ! Гнуть спину занятіе не особенно легкое и совсѣмъ не пріятное. Но—это было, прошло и я теперь желаю отдохнуть отъ трудовъ жизни—вотъ что я прошу понять васъ, сударь мой!

Отдыхая, я люблю почитать. Чтеніе—высшее удовольствіе для культурнаго человека, я цѣню книгу, она—моя дорогая привычка. Но я отнюдь не принадлежу къ тѣмъ чудакамъ, которые бросаются на всякую книгу, какъ голодные на хлѣбъ ищутъ въ ней какого-то новаго слова и ждутъ отъ нея указаній какъ жить?

Я знаю, какъ надо жить, знаю-съ...

Я читаю съ выборомъ только хорошія тепло написанныя книги, мнѣ нравится когда авторъ умѣетъ показать свѣтлыя стороны жизни, когда онъ и дурное описываетъ красиво, такъ, что о достоинствѣ жаренаго не думаешь, наслаждаясь вкусомъ соуса. Насъ, людей, поработавшихъ на своемъ вѣку, книга должна утѣшать, она должна баюкать насъ, вотъ что я вамъ скажу, сударь мой. Спокойный отдых—мое священное право—кто скажетъ, что это не такъ?

Ну съ и вотъ купилъ я однажды книгу одного изъ этихъ новыхъ хваленыхъ писателей.

Купилъ, любовно принесъ домой и вечеромъ, разрѣзавъ осторожноенько листы, приступилъ къ чтенію. Долженъ сказать—съ предубѣжденіемъ приступилъ. Не вѣрю въ эти молодые симпатичные и иные таланты. Люблю Тургенева—писатель тихій кроткій, читаешь его—какъ густое молоко пьешь, и читая думаешь: это было давно, все это прошло, прожито! Люблю Гончарова—спокойно писалъ, солидно, убѣдительно...

Но—читаю... Чтѣ за чертъ! Прекрасный, точный языкъ, безпристрастіе, атакая, знаешь, ровность—очень хорошо! Прочиталъ

одинъ маленькій рассказъ, закрылъ книгу, подумалъ... Впечатлѣніе грустное, но читать можно безъ боязни. Нѣтъ, этихъ, знаете, рѣзкостей, экивоковъ въ сторону обезпеченныхъ людей, нѣтъ стремленія выставить меньшаго брата образцомъ всякихъ добродѣтелей и совершенствъ, нѣтъ ничего дерзкаго, все очень просто, счѣнь мило... Читаю еще рассказы—очень, очень хороші! Bravo! Еще... Говорятъ, что когда китаецъ хочетъ отравить какого нибудь благопріятеля,—который почему либо надоѣлъ ему, китаецъ угощаетъ его инбирнымъ вареньемъ. Великолѣпное, вкусное варенье и до извѣстнаго момента его кушаешь съ невыразимымъ наслажденіемъ. Но когда наступаетъ этотъ „извѣстный моментъ“ — человекъ вдругъ падаетъ и—готово! Больше никогда и ничего ему не надо кушать, ибо онъ самъ готовъ уже въ пищу червямъ могилы.

Такъ вотъ и эта книга—я прочиталъ ее не отрываясь. Дочитывалъ уже въ постели, а когда кончилъ—погасилъ огонь и собрался баиньки. Лежу, спокойно вытянувшись. Темно и тихо...

Какъ вдругъ, знаете, чувствую что то необычное—начинаетъ казаться, что надо мною во тьмѣ вьются и кружатся, съ тихимъ жужжаньемъ, какія то осеннія мухи, знаете этихъ навязчивыхъ мухъ, которыя умѣютъ какъ то сразу сѣсть вамъ и на носъ, и на оба уха, и на подбородокъ? Лапки ихъ особенно раздражающе щекочутъ кожу...

Открываю глаза—ничего. Но въ душѣ—что то мутное, невеселое. Невольно вспоминается прочитанное, встаютъ предъ глазами сумрачные образы героев... Люди все дряблые, тихіе, безкровные, жизнь у нихъ—нелѣпая, скучная.

Не спится мнѣ...

Начинаю думать: прожилъ я сорокъ лѣтъ, сорокъ лѣтъ, сорокъ лѣтъ. Желудокъ варить плохо. Жена говоритъ, что я—гм!—что я ее уже не такъ горячо люблю, какъ любилъ лѣтъ пять тому назадъ... Сынъ—болванъ. Отмѣтки у него прескверныя, лѣнится, катается на конькахъ, читаетъ идиотскія книги... Надо посмотрѣть, какія это книги... Школа—мучительное учрежденіе и

уродуетъ дѣтей. У жены подъ глазами гусиные лапки, а она—туда же... Служба моя—совершенная глупость, если разсуждать правильно. И вообще—вся моя жизнь, если разсуждать правильно...

Тутъ я попридержалъ возжи своего воображенія и вновь открылъ глаза. Что за чертовщина?

Смотрю—у моей кровати стоитъ книга. Сухая, тощая, на тонкихъ длинныхъ ножкахъ она качается одобрительно маленькой головкой и тихимъ шелестомъ страницъ говорить мнѣ:

— Разсуждай правильно...

Лицо у нея какое то длинное, свирѣпотоскливое, и глаза мучительно ярко сверкаютъ и сверлятъ мнѣ душу.

— Подумай ка, подумай—зачѣмъ ты прожилъ сорокъ лѣтъ? Что ты внесъ въ жизнь за это время? Ни одной свѣжей мысли не родилось въ твоей головѣ, ни одного оригинальнаго слова не сказалъ ты за эти сорокъ лѣтъ... Никогда твоя грудь не вмѣщала въ себя здороваго, сильнаго чувства и, даже, полюбивъ женщину, ты все соображалъ—удобной ли женой она будетъ для тебя? Половину жизни ты учился, другую—забывалъ то, чему выучился. И всегда ты заботился только объ удобствахъ жизни, о теплѣ, о сытости... Ничтожный, незамѣтный ты человекъ, лишний, ненужный никому. Ты умрешь и—что останется послѣ тебя? Какъ будто ты и не жилъ...

Лѣзетъ она на меня, эта проклятая книга, вваливается мнѣ на грудь и давить. Страницы ея дрожать, обнимаютъ меня, шепчутъ мнѣ:

— Такихъ какъ ты—десятки тысячъ на землѣ. Всѣ вы всю жизнь сидите въ своихъ теплыхъ щеляхъ, какъ тараканы и оттого жизнь такъ скучна и сѣра.

— Я прислушиваюсь къ этимъ рѣчамъ и чувствую, какъ будто въ сердце мнѣ залѣзли чьи-то тонкіе, холодные пальцы, швыряются въ немъ, и мнѣ тошно, больно, безпокойно. Жизнь никогда не казалась мнѣ особенно яркой, я смотрѣлъ на нее какъ на обязанность, которая вошла въ мою привычку... А впрочемъ, вѣрнѣе сказать, я никакъ не

смотрѣлъ на нее... Жить и—все тутъ. Но теперь эта дурацкая книга окрасила ее въ какой то невыносимо-скучный, досадно-сѣрый цвѣтъ.

— Люди страдаютъ, чего то хотятъ, къ чему то стремятся, а ты служишь... Чему ты служишь? Для чего? Какой смыслъ въ этой службѣ? И самъ ты не находишь въ ней удовольствія и другимъ ничего не даешь она... Зачѣмъ ты живешь?..

Эти вопросы кусали меня, грызли, я не могъ спать. А человекъ долженъ спать, сударь мой!

Со страницъ книги смотрѣли на меня лица ея героев и спрашивали:

— Зачѣмъ живешь?

— Не ваше дѣло!—хотѣлъ я сказать и не могъ. Какіе то шорохи, шопоты звучали въ моихъ ушахъ. Мнѣ казалось, что волны житейскаго моря подхватили мою кровать и уносятъ ее со мною куда то въ безбрежность и качаютъ меня. Воспоминанія о прожитыхъ годахъ вызывали у меня что-то въ родѣ морской болѣзни... Никогда я не проводилъ столь безпокойной ночи, клянусь вамъ, сударь мой!

И я спрашиваю васъ,—какая польза человеку отъ книги, которая безпокоитъ его и не даетъ ему спать? Книга должна повышать мою энергію, а если она съестъ иглы на мою постель—зачѣмъ мнѣ она, позвольте узнать? Подобныя книги слѣдуетъ изъять изъ употребленія,—вотъ что, сударь мой! Ибо—человекъ нуждается въ пріятномъ, а неприятности онъ самъ способенъ создать...

— Чѣмъ это кончилось? Очень просто-съ. Я, знаете, по утру всталъ съ постели злой какъ чортъ, взялъ эту книгу и отнесъ ее къ переплетчику.

А онъ мнѣ ее переплелъ! Переплелъ крѣпкій, тяжелый. Она стоитъ на нижней полкѣ моего книжнаго шкафа, и, когда мнѣ весело, я, тихонько дотронувшись до нея носкомъ сапога, спрашиваю ее:

— Что взяла, а?

М. Горькій.